

ПРЕМЬЕРА

ПЬЕСА «АВГУСТ: ГРАФСТВО ОСЕЙДЖ» ТРЕЙСИ ЛЕТТСА, МОЖЕТ БЫТЬ, САМОГО ВАЖНОГО АМЕРИКАНСКОГО ДРАМАТУРГА СОВРЕМЕННОСТИ, В ПОСЛЕДНИЕ НЕСКОЛЬКО ЛЕТ ТРИУМФАЛЬНО ПРОШЛА ПО ТЕАТРАМ РОССИИ. НА ПОДХОДЕ — ГОЛЛИВУДСКАЯ ЭКРАНИЗАЦИЯ С МЕРИЛ СТРИП И БЕНЕДИКТОМ КАМБЕРБЭТЧЕМ. В ТЕАТРЕ им. ЛЕНСОВЕТА ЕЕ ПОСТАВИЛ ПЕТР ШЕРШЕВСКИЙ

Анастасия Самарская (Барбара) и Елена Комиссаренко (Вайолет).

Оклахомская трагедия

ЛЕТТСА выстраивает здание пьесы на основании базовых американских мифов XX столетия. Продолжает линию пьес о вырождении и крушении семьи, начатую Юджином О'Нилом. Другой важный маркер творческой биографии Леттса: его сценарии легли в основу «Глюков» и «Киллера Джо» великого и ужасного Джона Фридкина, с завидным постоянством выпускающего на свободу демонов подсознания.

В пьесе Леттса полуброшенный, загерметизированный дом четы Уэстон, где болящая раком Вайолет сидит на таблетках, писатель Беверли не просыпает уже 50 лет. Когда Беверли бесследно исчезает, в дом съезжают давно сбжавшие дочери и прочая родня. Как поднимающаяся к горлу тошнота начинает обнаруживать себя подоплека отношений, на озере всплывает труп, а из семейных шкафов вываливаются малосимпатичные скелеты,

— сильное звено, нападающий в игре. Другим мужчинам отводится место в обороне. Богатырь Билл (Всеволод Пурило) стойко отражает нападки жены и пытается начать жизнь заново с юной подружкой. Племянник Вайолет, кидалт Малыш Чарли (Антон Багров), ищет поддержки у Айви. Даже малосимпатичный Стив (Олег Андреев), жених Карен с замашками педофила, — и тот жертва подростковой гиперсексуальности дочери Барбары, Джин.

Роль фатума в пьесе играет возраст героев. У Леттса «дети», которым хорошо за 40, перепахнули тот порог, за которым жизнь уже не переиграешь. Распад, уродливый и страшный, пронизывает все уровни бытия героев. Герои спектакля младше своих драматургических прототипов примерно на поколение. Поэтому возникает ощущение, что молодым, красивым, энергичным актерам не хватает внутреннего опыта для того,

чтобы сыграть неизбежность. Старательно «вычищены» и отгаданные садизмом отношения, и шокирующие детали (в финале Барбара буквально затывает матери глотку жареной рыбой). Семья Уэстон выглядит патологически... нормальной.

«Вычищен» и быт. Шершевский пытается вывести материал на тот уровень, где крутятся шестеренки уже не среднеамериканской, а античной трагедии. Сцена накрена как палуба тонущего корабля — этакий «Титаник». Заваленная грудями серых от пыли книг, похожих на надгробия, она — своего рода кладбище культуры. Символическая роль прислуги, индианки Джонны (Алена Баркова) как вестника смерти проартикулирована птицей, случайно залетевшей в дом. То, что в пьесе тρέбует некоторой внутренней работы, явлено на сцене с поспешной наглядностью. Слово читается подстрочник.

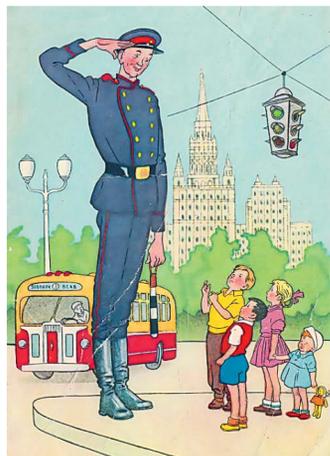

Женщина в спектакле — сильное звено, нападающий в игре.

Протагонист трагедии — старуха Вайолет. У Леттса это сильный дух в дряхлом теле, 68-летняя наркоманка, уторчанная до паралича лицевых мышц. Моложавая Вайолет Елены Комиссаренко, подобно какой-нибудь античной Клитемнестре, ведет опасную игру, поединок, только прикидываясь немощной. Не случайно на программке спектакля она изображена будто кровожадная богиня-мать, покоящаяся на груди изломанных кукол — собственных детей. Не случайно и у Леттса влажная мучительная духота дома — это духота материнского лона. В финале судьбы Вайолет и Барбары выстраиваются в очень жесткую рифму. Их женская природа одна — иссушенная, утратившая способность любить. Поэтому в успешном финальном безгетстве Барбары считается не невозможность простить матери косвенную вину в смерти отца, а страх повторить ее судьбу.

В финале пьесы всеми брошенную Вайолет принимает в свои объятия милосердная Джонна, девушка-смерть. Режиссер спектакля более жесток — корчащегося в темноте тело и нескончаемый, как агония, вопль: «Я сильнее всех!»

Татьяна ДЖУРОВА Фото Юлии СМЕЛКИНОЙ

Генрих Вальк. «Дядя Степа — милиционер». Открытка 1959 года.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ? Михалков вел свое происхождение от дворянского рода Михалковых, остатки их усадьбы сохранились в Рыбинске. А его сына Никиту, известного своей любовью к старой России, не зря же зовут барином.

С советской страной Михалков сроднился полностью, без остатка. Более того, живя и процветая в ней, он ее во многом сам же и создал. Его стихи про дядю Степу и про «дело было вечером, делать было нечего» повлияли не только на поколения советских детей. Культуролог Михаил Золотонос замечает: «В самом раннем «Дяде Степе» возникла формула, затем использованная в пропаганде «кремлевским горцем»: «Был он самым лучшим другом всех ребят со всех дворов». Тем, чем Степан был в масштабе района, Сталин был в масштабе всей страны. Довольно любопытная ситуация: Сталин

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Алексей МАШЕВСКИЙ, поэт, критик:

— Мне трудно говорить. С одной стороны — понятное дело, «Дядя Степа», детские стихи. Ну а с другой стороны — что ж сказать? Было время, которому человек соответствовал. С моей точки зрения, это пример того, как, почуяв тренд времени, поэт может удовлетворять запросы не только власти, но и народа. Никакая власть не смогла бы создать его на пустом месте. Имя автора входит в сознание людей, и это означает, что человек имеет отношение к своему времени.

Перед нами определенное явление. К нему можно относиться по-разному. Но без него представление о советском периоде русской литературы будет неполным. Михалков — абсолютный индикатор своей эпохи, ее вкусов и запросов.

Должен сказать, что он соответствовал требованиям и со стороны вождей. Ведь Сталин оказался человеком разбирающимся — он точно определял тех, кто мог бы отвечать поставленным задачам. Сейчас этого нет совсем, современная власть абсолютно не разбирается в том, кто мог бы представлять ее идеологию. Попытки использовать Сергея Владимировича продолжались до последнего момента, но это — дежавю. Как в сущности и вся наша нынешняя политика.

История повторяется, как известно, в виде фарса. Это некая реанимация прошлой эпохи, ностальгия по времени, «когда еще не все разваливалось». Своей культурной программой, своего понимания времени у власти нет. Поэтому сейчас возникают такие ностальгические призраки, как Михалков. Будут ли они и далее полезными — приходится сильно сомневаться. Но для людей, занимающихся советской культурой, Михалков займет свое место рядом с другими характерными явлениями.

Что касается литературной его оценки — достаточно взять три текста гимна и вспомнить всем известный анекдот: «Когда Михалкову говорили, что его слова к гимну — г...но, он отвечал: «Г...но-то г...но, а петь стоя будешь!»

Замечательно, что, по-моему, он достаточно трезво относился к своему творчеству. С неким цинизмом. Это даже вызывает симпатию. Когда человек преувеличивает свое значение, это гораздо хуже. А здоровый цинизм, я думаю, позволил ему дожить до преклонного возраста.

Я гимны прежние пою

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 100 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЭТА СЕРГЕЯ МИХАЛКОВА

В это верится с трудом — я прекрасно помню, как писал текст к его 95-летию, а он еще был жив. Теперь уже пройдена некая грань, и Сергей Владимирович сделался явлением легендарным и символическим. В свое столетие он уместил три эпохи — имперскую, советскую и нашу, для которой, видимо, еще не найдено точного имени. В сущности он воплотил в себе все три.

использовал в своей титулатуре то, что 23-летний поэт изобрел для дяди Степы!»

Это уж не говоря о гимне — или трех гимнах? Михалков-гимнопевец с такой легкостью, с такой непосредственностью корректирует и подправляет состав «вечных» ценностей, перечисляемых в тексте гимна, что становится ясно: только человек, ум и талант которого были славлены с нашей историей воедино, мог заниматься подобной алхимией.

Его образы до сих пор нас окружают — все хорошо помнят, что отдельные граждане, не будем называть имен, «сало русское едят». Дядя Степа до сих пор маячит где-то вдаль вечно недостижимым символом человечной и функциональной милиции (теперь полиции).

А еще мы, как известно, до сих пор живем под гимном Сергея Владимировича. Сталин оттуда исчез, его заменил Господь Бог. Но все-таки Иосиф Виссарионович если и не стал вновь «лучшим другом», то по крайней мере заслужил прозвание «эффективного менеджера». То есть почти как у Михалкова в песне «Артек!» — «вожатого страны».

Я попросил петербургских литераторов сказать несколько слов к столетию Сергея Михалкова. У многих возникли сложности: кто-то обеспокоился, что не получается выдержать принцип «либо хорошо, либо ничего», а в юбилей как-то неловко критиковать покойного. Кто-то, впрочем, откровенно признался: «Он мне отвратителен». Зато другие с удовольствием вспомнили о нем как о человеке, подарившем им в детстве счастливые минуты над книжкой. И это разногласие только подтверждает мою догадку: история наша не дискретна. Она не разрезана на какие-то независимые друг от друга главы — она едина, как един ее персонаж Сергей Михалков. И «сквозные темы», какое тысячелетие у нас ни стояло бы на дворе, один и те же — талант и цинизм, успех и низкопоклонство.

ФОТО ИТАР-ТАСС

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Михаил КУРАЕВ, писатель, сценарист, председатель Союза писателей России:

— Это был человек своей эпохи. И это была эпоха ярких, больших личностей, чье творчество, чей талант имели огромный резонанс в обществе. Я это, естественно, испытал на себе. Дядя Степа был одним из моих первых друзей на этом свете. И желание быть таким же добрым, заботливым, отзывчивым числилось с самого начала в моем детском нравственном арсенале.

Спасибо за это дяде Степе Михалкову! Ведь это же он закладывал параметры поэзии для детей.

Естественно, он был человек глубоко партийный. Поэтому понимал свою роль в соответствии с задачами, которые ставила партия. Отсюда его политическая сатира, в которой он тоже преуспел. Я прекрасно помню, какой популярностью пользовались его остроумные и талантливые басни. «Зайца во хмелю» до сих пор помню наизусть — это целый кусок жизни!

Про семейные дела у него была «Лисица и бобр». Бобрами, кстати, за воротники звали преуспевающих советских начальников. Так Михалков дал имя целому сословию. А первый сатирический журнал «Фитиль»...

Конечно, у Сергея Владимировича счастливая биография — такая популярность, любовь, резонанс.

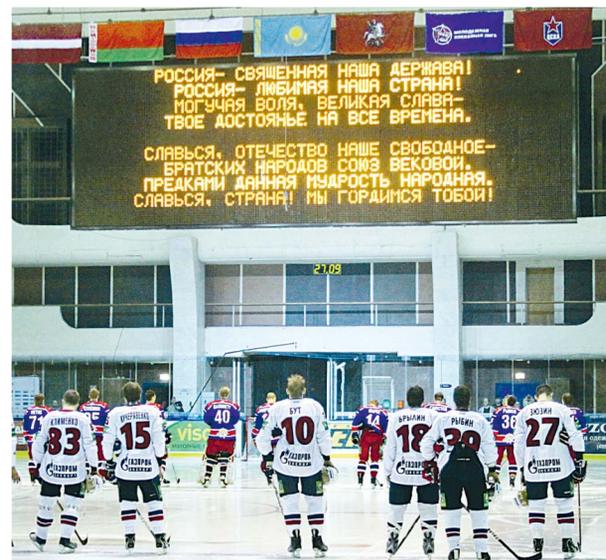
В последний раз я видел его на конгрессе Международного сообщества писательских союзов. И то, что авторитетом, именем Михалкова скреплялось писательское сообщество, — это тоже его заслуга.

Как говорится, о покойниках надо говорить доброе. И слава богу, что об этом покойнике доброго можно сказать много. А гимны... ну что гимны? Чего здесь криминального? Желаящие написать гимн в очереди стоят. И те, кого он обошел, теперь принимаются высказывать какую-то его вину. Это банальная мстительность. Зачем укорять его одного? Точно так же, как и Михалков, Сталина убирали из своих текстов Долматовский, Катаев... Такая уж это материя — человеческая душа. Счастливы те, кому не пришлось ничего сокращать.

Участуйте в нашем опросе! vppress.ru

Дмитрий ВЕРЕСОВ, писатель, переводчик:

— У меня к творчеству Михалкова отношение разное. У него детской классике мы все, конечно, росли. Очень хороша у него пьеса «Дикари», по которой снят фильм «Три плюс два». Были у него очень неплохие вещи, были и произведения достаточно спорные. Ну, гимны — это дело всем понятное, житейское. Но «Я поведу тебя в музей!» — сказала мне сестра — эта детская лубочная патриотика меня с раннего возраста коробила. Как и сасенки, не бог весть какие по сравнению с русской басенной традицией. Против вкуса Сергей Владимирович, конечно, грешил частенько. Не во всем своем творчестве он был достаточно искренен. Иногда шел поперек себя и делал что-то уж совсем под заказ. А поскольку он, в отличие от Маяковского, под заказ работать не всегда умел — получалось несколько топорно. Были люди, которые писали абсолютно искренне — как Михаил Светлов. Михалков же часто старался угадать и угодить. Но свой вполне достойный след он все-таки в литературе оставил.

Михалковский гимн исполняет столя уже не первое поколение россиян.

Подготовил Федор ДУБШАН